

□Вступление: ревность сжигает сердце, язык не слушается□

Наследная наложница Хуа Нянь Шилань во Дворце Икунь впала в ярость. Повсюду царил беспорядок, который ещё не успели убрать, но обиду от «унижения», нанесённого Императрицей, она никак не могла проглотить. Гнев и ревность жгли её рассудок, особенно при мысли о том, что Императрица ради этой твари Ань Линжун так с ней поступила. Ненависть заставляла скрежетать зубами.

Сун Чжи, дрожа, собирала осколки и тихо уговаривала:

— Госпожа, успокойтесь. Не стоит губить здоровье из-за такой особы... Императрица, возможно, просто на время...

— На время чего?! — резко перебила её Нянь Шилань, глаза её горели злобой. — Она явно пристрастна! Просто меня не жалуёт! Я сама пойду и спрошу, каким приворотным зельем эта Ань Линжун её опоила!

Сейчас, ослеплённая ревностью, она хотела только одного: немедленно бежать к Императрице и устроить допрос, сорвать ту вечно невозмутимую маску и увидеть, какое пристрастное сердце под ней скрывается! Она полностью забыла о слежке Императора, о коварстве Императрицы, о всякой осторожности.

Не обращая внимания на уговоры Сун Чжи, даже не переодевшись и не поправив причёску, с неостывшим гневом на лице она вихрем помчалась прямо ко Дворцу Цзинжэнь.

У ворот дворца стражник-евнух, увидев её и её недоброе выражение лица, поспешно поклонился и заискивающе произнёс:

— Приветствую Наследную наложницу Хуа. Императрица отдыхает внутри, не соблаговолите ли...

— Пошёл вон! — Нянь Шилань была в ярости, оттолкнула евнуха и бесцеремонно ворвалась внутрь!

В внутренних покоях Дворца Цзинжэнь И Сю сидела у окна с книгой. Услышав шум снаружи, она подняла глаза и увидела, как Нянь Шилань вихрем влетела внутрь, растрёпанная, с прерывистым дыханием, красными глазами, полными гнева, — совершенно потерявшая обычное достоинство.

— Наследная наложница Хуа? — И Сю отложила книгу, слегка нахмурилась, в спокойном голосе слышалось недовольство. — Без доклада врываться в мои покои — где твои манеры?

Этот спокойный тон лишь сильнее разозлил Нянь Шилань. Она, не сдерживаясь, закричала

визгливо:

— Манеры? Вы, госпожа, сейчас толкуете мне о манерах? А когда пристрастность у вас доходит до подмышек, почему не думаете о манерах?

И Сю помрачнела:

— Дерзость! Что за чушь ты несёшь!

— Ваше высочество отлично знает, говорю ли я чушь! — Нянь Шилань пошла ва-банк, указав в сторону Дворца Яньси, её голос стал ещё пронзительнее. — Эта Ань Линжун — всего лишь ничтожество, недостойное внимания! Почему вы, госпожа, раз за разом её защищаете? И даже ради неё бьёте меня по лицу? Я хочу спросить: что в ней такого хорошего? Разве она умеет льстить лучше меня? Или она лучше...

— Хлоп!

Звонкая пощёчина прервала бессвязную речь Нянь Шилань.

В зале воцарилась мёртвая тишина.

Нянь Шилань, зажав щёку, с недоверием уставилась на стоящую перед ней Императрицу — с ледяным лицом, гневными глазами феникса. Она... она посмела ударить её?

И Сю медленно убрала руку. Взгляд её был холоднее инея. От неё исходила невиданная доселе властная аура, от которой даже Цзянь Цю, стоявшая рядом, упала на колени.

— Нянь Шилань, — голос И Сю был негромок, но каждое слово падало, как ледяная горошина, пронизывая холодом. — Я вижу, ты обезумела! Посмела так кричать передо мной, терять достоинство, сквернословить и клеветать на главную жену Императора! Есть ли в твоих глазах дворцовые правила? Есть ли в них я, ваша Императрица?

Эта пощёчина и внезапная суровая отповедь, словно ушат ледяной воды, мгновенно погасили большую часть гнева Нянь Шилань, оставив лишь шок и запоздалый страх. Она наконец осознала, какую глупость совершила!

— Я, ваша наложница... я просто... — зажимая щёку, бессвязно пыталась оправдаться она.

— Просто что? — И Сю шагнула ближе, взгляд её был острым, как нож, словно мог пронзить душу. — Просто ревнуешь? Просто недовольна, что я проявила небольшую заботу к какой-то Даин? Нянь Шилань, ты меня сильно разочаровала!

Голос И Сю внезапно повысился, в нём звучали невиданные доселе гнев и боль (по крайней мере, внешне):

— Я думала, что после случившегося ты станешь умнее, поймёшь, что такое общее дело, что такое порядок! Но нет, ты стала такой ревливой, мелочной, близорукой! Из-за личной обиды творишь в гареме что хочешь! Сегодня посмела ворваться во дворец с допросом ко мне, а завтра, глядишь, осмелишься пойти против Императора?

— Я, ваша наложница, не посмею! — Нянь Шилань от страха подкосились ноги, и она упала на колени.

— Не посмеешь? А я вижу, что ты очень даже посмела! — И Сю, взмахнув рукавом, повернулась спиной, больше не глядя на неё. Голос её был холоден и решителен: — Наследная наложница Хуа из рода Нянь за потерю достоинства перед лицом Императора, оскорбление главной жены, сквернословие и отсутствие добродетелей наложницы отныне помещается под домашний арест во Дворце Икунь на один месяц, переписывает сто раз «Наставления для женщин» и «Поучения для женщин», размышляя над своими ошибками! Без моего дозволения ни шагу за порог!

Приказ об аресте быстро разнёсся по шести дворцам, вызвав переполох. Наследная наложница Хуа давно прославилась своей надменностью и деспотизмом, и вот сама Императрица собственной властью наложила на неё арест — такого сурового наказания ещё не бывало!

Новость, естественно, немедленно дошла до Зала Воспитания Сердца.

Инь Чжэнь слушал доклад Су Пэйшэна, не отрываясь от красной кисти, и лишь равнодушно спросил:

— По какому поводу?

Су Пэйшэн, осторожно подбирая слова, в общих чертах описал то, что удалось разузнать: «Наследная наложница Хуа самовольно ворвалась во Дворец Цзинжэнь и словесно оскорбила Императрицу». Естественно, он опустил конкретные высказывания про Ань Линжун и пристрастность Императрицы, сделав упор лишь на недостойное поведение Наложницы Хуа и гнев Императрицы.

Инь Чжэнь выслушал и на мгновение задумался. Характер Наложницы Хуа он знал, такой поступок для неё не удивителен. Реакция Императрицы... на удивление твёрдая. Это ради поддержания авторитета главной жены? Или... действительно есть пристрастие?

В глазах его мелькнул мрачный огонёк, и наконец он равнодушно произнёс:

— Императрица управляет шестью дворцами. Раз решение уже принято, пусть исполняется по

её воле.

Он был рад видеть, как Императрица осаживает Нянь Шилань, и рад был сохранять внешнее равновесие в гареме. А что касается подводных течений, пока они не выходят на поверхность, он пока не намерен вникать.

После молчаливого одобрения Императора приказ Императрицы стал бесповоротен.

Тяжёлые ворота Дворца Икунь захлопнулись, словно отгородив весь внешний мир.

Нянь Шилань без сил опустилась на холодный пол. Жгучая боль на щеке напоминала о пережитом унижении, гневное лицо Императрицы и её ледяные слова вновь и вновь звучали в голове.

Домашний арест! Переписывание книг! Она, Нянь Шилань, никогда не подвергалась такому наказанию! И ещё её... наказала рука того, кто был ей так дорог!

Обида, гнев, унижение, страх, а также дрожь от мощи Императрицы, которую она не хотела признавать, — все эти чувства смешались, почти разрывая её на части.

Она не понимала, как всё так обернулось? Она просто... просто не смогла сдержать гнев... Почему Императрица не могла посмотреть на неё чуть добрее, пожалеть хоть немного? Зачем быть доброй к тем, кто ей безразличен?

Слёзы наконец покатались, но то были уже не просто слёзы гнева — в них была сложная, невыразимая боль.

А во Дворце Цзинжэнь И Сю уже вернула себе обычное спокойствие, словно только что бушевавшей бури и не бывало.

Цзянь Цю с опаской подала чашку женьшеневого чая:

— Ваше высочество, успокойтесь, не стоит губить здоровье из-за Наследной наложницы Хуа.

И Сю взяла чашку, легонько подула на пар. В её глазах была глубокая невозмутимость, ни следа гнева.

— Гневаться? — она чуть изогнула губы, на них заиграла холодная усмешка. — С чего бы мне гневаться?

— Меч, если умеет только ранить врага и не знает, как вовремя убраться в ножны, рано или

поздно поранит и хозяина. Иногда нужно постучать по нему, отточить, чтобы он почувствовал боль и запомнил, кто держит рукоять. Это необходимо.

— Месяц домашнего ареста — самое то, чтобы она хорошенько остыла. А то ещё... наделает глупостей и помешает моим планам.

Глаза феникса опустились, скрывая все расчёты.

Холодность и наказание порой глубже западают в душу, чем забота и награды. Особенно когда они исходят от того, кто никогда тебя не предавал.

<http://bllate.org/book/18894/1846959>